

антиутопии: временная организация повествования – линейная прямая с включением воспоминаний героев. Сюжет – хроникальный, т.е. характеризующийся естественным течением времени. Все события связаны с одним человеком: в «Хлорофилии» – это Савелий Герц, в «Живой Земле» – Денис Герц. Один из главных образов-символов романа – трава – символизирует наказание и спасение человечества. Пространство романа замкнутой разложено на двух осях – вертикали и горизонтали. Утопическое пространство в произведениях отграничено либо реальными границами, либо психологическими. Пересечение пространственных границ персонажами, главными и второстепенными, играет значительную роль в раскрытии их образов. Особенностью временных характеристик диалогии является то, что, во-первых, действие разворачивается в будущем (XXII век), во-вторых, А. Рубанов использует художественное время, чтобы связать современность героя с прошлым, которое часто современно читателю.

В изображении границы между миром героя и действительностью автора и читателя сочетаются «зоны контакта» и «далевого образа»: герой и его мир причастны к действительности читателя и представляют собой результат развития человеческого общества. С другой стороны, главный предмет изображения – мир, изолированный от реальной истории – неизбежно удален от читателя как во временном, так и в ценностном отношении.

Использованная литература

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 7-167.
2. Богумил Т.А. Сибирь как антиутопия в диалогии А. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» // Сибирский филологический форум. 2020. № 4(12). С. 64–77.
3. Завьялова А.П. Особенности хронотопа в романе А. Рубанова «Хлорофилия» // Актуальные проблемы филологии. 2018. № 16. С. 44–54.
4. Козьмина Е.Ю. Поэтика романа-антиутопии (на материале русской литературы XX века): дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 222 с.
5. Рубанов А. Хлорофилия. М.: АСТ: Астрель, 2011. 345 с.
6. Рубанов А. Живая земля. М.: Редакция Елены Шубиной, 2012. 348 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://book-online.com.ua/read.php?book=7578>

С. О. Шипов
Россия, г. Тюмень,
Тюменский государственный университет
Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор С. А. Комаров

Образ орла в басенном девятикнижии И.А. Крылова

Аннотация

В статье рассматривается значение образа орла и его пространственное положение в басенном девятикнижии И. А. Крылова. Сферическая сегментация художественного мира басен позволила выявить существенные различия при изображении автором властных образов и связанных с ними пороков в небесной и земной сферах.

Ключевые слова: И.А. Крылов, басенное девятикнижие, образ орла, эмблема, метасюжет.

Введение

Инвариантная модель власти в басенном девятикнижии И.А. Крылова разветвлена и представляет собой сферическую систему, выстроенную по вертикали и горизонтали. В данной работе объектом исследования является модель власти в вертикальной (небесной) сфере.

Небесная сфера традиционно сакрализировалась читателем, что обусловлено влиянием мифологического и религиозного сознания, баснописец же осознавал риски, возникавшие на пути ее изображения. И поэтому Крылов с осторожностью использовал в девятикнижии небесные образы, главной задачей которых было не саморазоблачение и обличение пороков, а демонстрация свободного выбора героев и ответственности за него. Они лишены необходимости преодолевать жизнь и смерть, так как оппозиция хищник/жертва системно отсутствует, за исключением нескольких текстов условного орлиного цикла, где ситуация охоты царя птиц используется повествующим субъектом ситуативно для развития сюжета. Изображение персонажей небесной сферы создает необходимую контрастность в обозначении конфликта, придает объемность и целостность художественному миру, усиливает вертикаль, связывающую сакральное пространство с земным.

Основная часть

Вертикаль власти в небесной сфере художественного мира не оспаривается со стороны остальных персонажей. Орел беспелляционно признается царем среди птиц. Это продиктовано эмблематичностью образа, а также безусловным авторитетом и соответствующими физическими параметрами. Данный персонаж используется автором в 8 текстах, что в пределах исследуемой сферы является достаточно значительным по объему текстовым объединением. Но по сравнению с земной сферой количество текстов показательнее меньше. Так, например, образ льва выстраивается через 19 текстов. Вероятно, это связано с различными подходами к выявлению и изображению порока в вертикальной и горизонтальной сферах.

В тексте «Два голубя» орел впервые появляется в девятикнижии в ситуации охоты на другого хищника: «Тогда орел, с небес направя свой полет, / Ударил в ястреба всей силой - / И хищник хищнику достался на обед» [3, с. 27]. Повествующий субъект не задает ракурс противостояния, борьбы за власть, как это было в первом тексте львиного цикла «Лев и Барс». Здесь орел выступает в роли спасителя с небес для голубя. Характерно, что орел охотился на крупного и сильного хищника, а не на легкую добычу. Это подсвечивает его статус и положение, а также ментальные характеристики, аккуратно обрамляя гордыню

царя небесной сферы. Движение орла с небес вниз, появление ястреба «над» голубем и полет последнего вниз, к земле, подчеркивают вертикаль и иерархичность в небесной сфере.

Событийность зачастую создается за счет ситуативного передвижения персонажей между уровнями. Для орла это движение почти всегда вниз. Так происходит и в тексте «Орел и Куры», где речевая характеристика орла становится моралью и устанавливает один из внутренних законов: «Орлам случается и ниже кур спускаться; / Но курам никогда до облак не подняться!» [3, с. 31]. Пространство поднебесья, использованное в баснях в качестве постоянного и естественного места обитания для царя всех птиц, является сакральным даже для представителей небесной сферы. Неслучайно орел становится актантом чаще всего при движении вниз, спускаясь из сакрального в профанное пространство, где порочность структурно утверждается и разоблачается субъектом повествования.

Движение орла вниз создало иллюзию равенства для остальных обитателей сферы, и если в басне «Орел и Куры» моралистическое послание заключалось только в речи царя птиц, то в тексте «Вороненок» оно подкрепляется физиологическим наказанием для ворона. Примечательно, что семь текстов условного орлиного цикла автором размещены в первых трех книгах, а последний текст в восьмой книге. Это позволяет сделать вывод о состоявшейся событийности внутри сферы без эмблематики и пороков власти.

Сферическое разделение власти в басенном девятикнижии Крылова сводит к минимуму пересечение властных образов. Лишь в одном тексте «Воспитание льва», размещенном автором в третьей книге, лев и орел вступают во взаимодействие в качестве актантов. В нем орел, как достойный и равный льву, берет на воспитание львенка и дает ему знания, необходимые для правления царством птиц [3, с. 72]. Метафорическая потеря львом наследника предваряет уже физическую потерю орлом наследника в последнем тексте третьей книги. В тексте «Орел и Крот» орел решает свить гнездо на дереве с гнилыми корнями и не принимает совет от крота, посчитав, что «ничтожный крот» не может дать доброго совета [3, с. 81]. В результате дерево падает, и орлица с орленком погибают. Событийность в этих текстах создается автором за счет раскрытия порочной логики льва и орла, где другие звери и птицы оцениваются с позиции их статуса и положения.

Рассматривая метасюжет власти через эмблематику царственных образов (лев и орел) в басенном мире, можно сделать вывод, что гордыня является непременным атрибутом функционирования любой власти в соответствии с культурно-знаковой природой порока.

Орел проходит через испытание гордыней в двух текстах: «Орел и Пчела» и «Орел и Крот». В первом тексте точка зрения орла манифестирует ценностные установки, имеющие глубокий разрыв с народным взглядом на

жизнь, но в повествовании не разрушается сразу же, позволяя пороку завладеть героем. Событийность организуется посредством диалога. Каждая из заявленных в нем точек зрения подкрепляется соответствующими природными характеристиками пространственным положением в небесной сфере, поэтому они признаются авторитетным повествователем жизнеспособными и устойчивыми. Об этом свидетельствует и употребление предлогов в изображенной речи орла: «...Ношуся я **под** облаками»; и пчелы: «Да продлит **над** тобой Зевес свои щедроты!»[3, с. 48].

Текст «Орел и Крот» содержит уже сюжетное наказание для орла в виде гибели орлицы и орлят. Автор персонифицирует рок в сознании орла, герой в процессе раскаяния осознает цену тщеславию и гордыне. Символично, что гибель и разрушение ему предвещал представитель подземного царства – крот. Так в тексте была задействована вся вертикаль мироздания. Её разрушение подсвечивается губительной порочностью власти (верха) в противопоставлении с низом. Включенность порока в эту схему ускоряет переход персонажей из одного состояния в другое, что коррелирует с религиозными установками о смерти души, погрязшей в грехах. Именно поэтому сюжетное наказание зачастую не сразу настигает персонажа, а позволяет ему как бы «увязнуть» в пороке.

В тексте «Орел и Паук» нахождение на высоте оказывается определяющим фактором для мироощущения героев. В нем паук нарушил уединение орла, вторгся в его эмоциональное переживание, духовную и физическую близость к богам. Характер обращения орла к богам напоминает благодарственную молитву, совершаемую им в период наиболее эмоционального переживания эпизода (духовной медитации), где вечные природные явления охвачены взором птицы: «Казалось, что оттоль он видел край земли: / Там реки по степям излучисто текли; / Здесь рощи и луга цвели / Во всем весеннем их уборе; / А там сердитое Каспийско Море, / Как ворона крыло, чернелось вдали»[3, с. 78]. На вечность также указывает и столетний кедр, с которого орел «зримым под собой пространством любовался»[3, с. 78].

Ощущение уединенности с вечностью и красотой мира, единения с богом во время обращения к нему (истинный ход мыслей) прерывается ложной картиной мира паука, где он чувствует свою причастность к происходящему только потому, что случайно оказался в этом пространстве. Отказ от этой ложной мысли закрепляется сюжетно – вихрь сбрасывает паука вниз. Характерно, что при организации пространства автор использует предлоги (на, над, под) и задает векторы движения (верх, высота, вниз), что дополнительно свидетельствует об усиленной вертикали небесной сферы. Трехчастная композиция, образно-эмоциональное содержание текста, переживание героя, раздумье и уединенное созерцание им вечных образов, сменяющееся ложным планом, ложной картиной мира и отказ от нее указывают на элегическое начало в басне. Это делает текст «Орел и Паук» эмоциональным и идейным центром

условного орлиного цикла.

В последнем тексте условного орлиного цикла «Кукушка и Орел» традиционно раскрывается мышление кукушки в отрыве от ее природных характеристик. Внутренний конфликт персонажа соответствует общей для небесной сферы схеме организации события, где автором задаются либо перемещаемость между различными уровнями, либо несовпадение произвольной и детерминистической картин мира. Эмоциональное спокойствие в речевой характеристике орла, расположенной в сильной позиции басни, связано с пониманием им своей роли в мире и ограниченности власти. Бог остается единственной доминантой в его сознании: «Мой друг!» / Орел в ответ: «я царь, но я не бог. / Нельзя мне от беды твоей тебя избавить. / Кукушку Соловьем честить я мог заставить; / Но сделать Соловьем Кукушку я не мог» [3, с. 180].

Заключение

Подход к анализу девятикнижия И.А. Крылова через метасюжетность и сегментированную сферичность организации его в качестве сверхтекста очевидно перспективен. Он выявляет сопряженность в нем знаковых рядов ценностно-религиозного, ментального и жанрово-индивидуального начал. Девятикнижие баснописца, созданное на переходе от традиционалистской к индивидуально-творческой фазе развития мировой словесности, нуждается именно в укрупнении аналитического зрения и поиске новых процедур оценки этого выдающегося памятника национального творчества.

Осевая вертикальность условного орлиного цикла акцентирована композиционным кольцом басен в начальных (1-3) и завершающих (8) частях девятикнижия Крылова. Властная предназначенность орла закрепляется его пространственным положением и векторностью движения. Его порочность относительно редуцирована и однокачественна, что соответствует дискурсу власти, авторской интенции на ее природную и знаковую устойчивость. Здесь очевидна и сила просветительской установки баснописца в полемике с сентименталистскими и романтическими идеями порочности цивилизации и претензией субъекта на соревновательность с ходом вещей и здравым смыслом предохранения извечных законов жизни.

Использованная литература

1. Гаспаров М.Л. Античная литературная басня / М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1971. 279 с.
2. Киселев В.С. Метатекстовые повествовательные структуры в русской прозе конца XVIII-первой трети XIX века / В. С. Киселев. Томск: изд-во Томского государственного ун-та, 2006. 544 с.
3. Крылов И.А. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 3. Басни. Стихотворения. Письма / Под ред. Д. Д. Благого. Москва: Гос. издат. худож. лит., 1946. 620 с.
4. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг; Подгот. текста, общ.ред. Н. В. Брагинской. М.: Лабиринт, 1997. 445 с.